

Людмила Олеговна Чернейко

Россия, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Метод как инструмент формирования лингвистического объекта

Ключевые слова: метод, структурная семантика, лексические функции-параметры, когнитивная семантика, проективный смысл

Key words: method, structural semantics, lexical functions-parameters, cognitive semantics, projects sense

Abstract

The paper attempts to demonstrate that the structure of language as an objective and ideal phenomenon is a hypothesis embodied in different models which depends upon the method applied to linguistic analysis.

1.1. В. А. Звегинцев, уделявший в своем научном творчестве много внимания теоретическим вопросам лингвистики, разводит следующим образом два взаимосвязанных, но разных понятия: термин «метод» он определял как «совокупность рабочих приемов, объединенных каким-либо принципом и изменяемых [...] для выполнения частных исследовательских задач», а термин «методология» – как «совокупность философских принципов, определяющих понимание основных категорий языка» [Звегинцев 1962: 90].

Главный методологический принцип, которым руководствовались Н. В. Крушевский, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. М. Пешковский и другие не менее известные ученые, можно определить как «разборную лингвистическую модель языка». С очевидностью этот принцип обнаруживается в определении ими предмета (объекта) лингвистики – это «слова и предложения» [Крушевский 1998: 65] и «естественные речевые представления, которые текут слитно» [Пешковский 1959: 123]. Этот принцип обнаруживается в глагольной сочетаемости лингвистических терминов в таких, например, контекстах, как: *Почти всякое слово **разлагается** непосредственно не только на звуки, но тоже на знаменательные комплексы звуков, которые встречаются и в других словах* (Крушевский); *Язык не составляется из элементов, а **дробится** на*

элементы. Нельзя представить слово как совокупность морфем, но слово **членится** на морфемы. Грамматика же как раз и занимается **членением** человеческой речи-мысли (Пешковский).

1.2. Мысль Ф. де Соссюра о том, что «в лингвистике объект вовсе не предопределяет точки зрения» и что, «напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает самый объект» [Соссюр 1977: 46], перекликается с высказываниями Э. Бенвениста («Реальность исследуемого объекта неотделима от метода, посредством которого объект определяют» [Бенвенист 1974: 129]), Ц. Тодорова («Нужно ли напоминать ту общеизвестную истину, что объект науки создается ее методом», а «свойства любого объекта определяются той точкой зрения, с которой он нам преподносится» [Тодоров 1975: 43–44]) и других исследователей языка.

Объектом лингвистического исследования может быть и язык, понимаемый как объективно существующая, но идеальная система знаков и правила их комбинаторики, и речь, понимаемая как материальная ипостась языка. При этом единственной эмпирической реальностью лингвистики является речь, в которой материальны только означающие знаков, а означаемые (смыслы) идеальны, как и в виртуальной системе языка. Однако ни механизм речепорождения, ни способ существования языка, ни его устройство не даны лингвисту в непосредственном наблюдении, поэтому научные ответы на вопросы о том, как организован язык, имеют характер гипотез и воплощаются в адекватных им верифицируемых моделях.

2.1.1. В одном из известных постулатов структурной лингвистики, согласно которому научно правомерным является описание языка как автономного единства внутренних зависимостей, определен и объект научного исследования – это автономно существующая виртуальная система знаков языка, рассматриваемых на всех ее уровнях в виде бинарных противопоставлений, оппозиций. Но и бинарный, и сравнительный методы анализа, позволяющие обнаружить способы связи элементов системы, лежат в основе познания мира, без которых научный подход к любому интенциональному объекту, предполагающий объяснение его устройства, по необходимости является структурным как универсальный способ познания действительности, а не в силу дисциплинарной спецификации метода.

С позиций структурной семантики важно разграничение экстралингвистической и лингвистически релевантной информации, отражающей такие параметры семиотизированных объектов действительности, которые выполняют предметоразличительную (дистинктивную) функцию, – это дифференциальные семантические признаки (ДСП), по которым можно «научно» описать значения слов. Но, во-первых, не всех слов (*добро, культура, абсурд*), а во-вторых, далеко не все словоупотребления можно объяснить лингвистически релевантной информацией. Например, надпись в зоопарке *Не пугайте страуса – пол бетонный* создана и понимается на основе тех

знаний о страусе, которые не имеют отношения не только к ДСП содержания слова *страус*, но и к реальному поведению этой птицы.

Структурная лингвистика имеет свои воззрения на язык, свои разработанные на их основе принципы получения знаний о языке и способы их экспликации, т. е. свой метод и свой метаязык, что и определяет ее статус как особого направления лингвистики. Принципы структурной семантики в обобщенном виде выглядят так: изучаются слова с более или менее абстрактным значением, обозначающие отношения, с целью разложения их значения на элементарные смыслы методами, которые структурная семантика считает объективными в силу «точности» метаязыка [ср. Апресян 1966: 99–107]. Границы объекта структурной семантики определяются ее сугубо рационалистическим методом – это значимости, отражающие лингвистически релевантные свойства явлений, а сама внеязыковая действительность интересует структурную семантику только в той степени, в которой ее улавливает сетка значимостей.

2.1.2. Основоположник структурной лингвистики был не так категоричен в определении значимостей лексической единицы языка, как его последователи. Ф. де Соссюр обращал внимание на то, что

[...] значимость любого слова определяется всем тем, что с ним связано; даже у слова «солнце» вряд ли возможно установить непосредственно его значимость, если не принять в соображение все то, что связано с этим словом; есть языки, в которых немислимо, например, выражение «сидеть на солнце» [Соссюр 1977: 148].

Так что для Соссюра оказываются важными не только значимости «внутренней лингвистики», но и весь опыт народа, отраженный в языке, то есть значимости этнологические, культурологические – значимости «внешней лингвистики». Так, русскому выражению *Солнце садится* в близкородственном сербском языке соответствует *Сунце залази*, во французском – *Le soleil se couche*, в итальянском – *Il sole tramonta*, в английском – *The sun goes down*. А поэт и прозаик Саша Черный в известных *Советах начинающим критикам* иронически отмечал, что, если у автора встречается выражение «солнце садилось», не следует его обвинять в плагиате. Сочетание принадлежит языку.

2.2. В моделировании синтагматических отношений лексических единиц языка методом выявления глубинных смыслов-параметров, преобразующихся в поверхностную сочетаемость произвольно выбранного имени-аргумента, внимание сосредоточено на глаголе. И действительно, общий смысл одного из лексико-семантических вариантов (ЛСВ) многозначных глаголов *рассеять* и *разбить*, сочетающихся в качестве вторичных предикатов с абстрактными именами, такими, например, как *иллюзия* и *мечта*, которые выступают в функции прямого объекта (*рассеять иллюзии* – *разбить мечты*), абсолютно соответствует каузативному смыслу, обозначенному в системе лексических функций (ЛФ) термином «ликвидатив». Если говорить о лексической сочетаемости, которая в модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» [Мельчук, Жолковский 1984] противопоставлена

сочетаемости семантической, то следует констатировать победу логики универсалий на отдельно взятом пространстве отдельно взятого языка.

Осмысля формальный метод, примененный В. Проппом к сказкам, К. Леви-Стросс остроумно заметил:

До формализма нам было неведомо, что общего имеют между собой эти сказки. Однако после формализма мы лишились всякой возможности понять, чем они отличаются друг от друга [...] не можем вернуться от абстрактного к конкретному [Леви-Стросс 1983: 417].

Признание точной синонимичности позиционно распределенных глаголов не позволяет ответить на важный вопрос о причинах невозможности их субституции при разных именах.

Объяснять запреты на сочетаемость слов узусом (*глубокая осень*, но не **весна*, **зима*, **лето*; *глубокая ночь*, но не **день*, **утро*, **вечер*; *глубокая старость*, но не **молодость*), квалифицировать оваянную языковой традицией сочетаемость слов как лексическую во всех случаях, когда ей не находится логической, сугубо «объективной» мотивировки (*плести интриги – строить козни*), означает сознательное упрощение лингвистического объекта, оправданное для решения определенных специальных задач, но не способствующее решению такой важной для антропоцентрической лингвистики проблемы, которую В. фон Гумбольдт определил как «внутреннюю форму языка» и которая в современных исследованиях значителась как языковая картина мира.

Несвободная (связанная) сочетаемость субстантивов, квалифицируемая структурной лингвистикой как лексическая (в противоположность семантической), играет главную роль в моделировании языковой картины мира, обнажая особенности концептуализации семиотизированных фрагментов действительности. И лингвистика, накопив обширный материал, подтвердила правомерность выделения такого объекта, как «языковая картина мира», потому что выработала такой частный метод его анализа, как сопоставление глагольно-адъективной сочетаемости субстантива в разных языках. Параметрическому прилагательному *глубокий* в его вторичной функции, например, в сочетании со словом *древность* (*глубокая древность*), во французском языке соответствует прилагательное *haute* ('высокий'): *la haute antiquité*. Но функция временного квалификатора во французском языке требует лексической мены синтагмы: *в глубокой древности – dans la nuit des temps* (буквально: 'в ночи времен').

2.3. Взгляд на лексические параметры в мировоззренческом ключе обнаруживает определенное видение языка, в котором логика наделяется такой властью, что вытесняет символику и мифологию, присущую сознанию не в меньшей, если не в большей степени, чем рациональность. Наблюдения за повседневными диалогами современной русской речи подтверждают большой текстопорождающий вклад языковой символики в широко понимаемую перформативность, например, разговор в семье между ребенком 7 лет (X)

и взрослым (У), в который вклинивается еще один взрослый (Z): – X: *А какой породы наша кошка?* – У: *Западноевропейская гладкошерстная.* – X: *Да нет, какая она: сиамская, сибирская?* – У: *Наша кошка сибирская..., как язва.* – Z: *Как магистраль!*

Если же попытаться вернуться от универсальных смыслов к обусловленным конкретной культурой представлениям (что и является концептуализацией действительности) и сместить акцент лингвистического внимания с глагола на имя (а еще Аристотель отметил, что «глагол всегда есть знак для сказанного об ином» [Аристотель 1978: 94]), то вскрывается существенное различие в представлениях русскоговорящего социума о тех непредметных сущностях, которые стоят за непредметными именами. Однако не все сочетающиеся с именами глаголы позволяют обнаружить символические (мифологические в своей основе) смыслы абстрактной сущности, а только вторичные предикаты, т. е. те глаголы и прилагательные, которые не утратили своих буквальных «физических» значений. Появившийся в Интернет-версии проект под названием *Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен* [Бирюк и др. 2014] основан на концепции лексических функций и сосредоточен на глаголе, но поскольку он значительно шире по корпусу, чем *Толково-комбинаторный словарь*, то возникает перспектива построения на его основе фразеологических парадигм непредметных (абстрактных) имен.

3.1. Лет двадцать-тридцать назад поиски знаний о действительности, которые воплощены в лексике и в грамматических категориях языка, и представлений о ней, репрезентированных в сочетаемости знаков, отечественная лингвистика считала объектом ненаучным. Но в 1990 г. появился журнал «Когнитивная лингвистика», который узаконил это направление как вполне научное. Однако это лингвистическое направление в его современном состоянии не разработало ни общую методологию, ни частные методы. Что касается научного языка современной когнитивной лингвистики (метаязыка), то он настоятельно требует «терминоустроения».

Как справедливо писал Р. Якобсон, «необходимой предпосылкой существования любой науки» является контроль над «языковыми средствами представления ее объектов» [Якобсон 1985: 404]. Для того, чтобы термины хоть в какой-то степени приблизились если не к идеалу и образцу, то хотя бы к стандарту «научности», требуется соблюдение необходимого условия: сама метаречь, взятая как язык-объект, должна быть изучена, по мысли А.-Ж. Греймаса, «на высшем иерархическом уровне», где термины могут быть «предварительно определены и сопоставлены» [Греймас 2004: 20–21], иными словами, исследованы в лучших традициях структурного анализа.

Что же касается методологии, то в работах многих исследователей обнаруживается смешение построенной лингвистом модели наблюдаемых фактов с объектом-оригиналом, вследствие чего объекту-модели, принадлежащему реальности эпистемологической, приписывается онтологический статус

объекта-оригинала. Например, рассуждая о дискурсе и его статусе, исследователь полагает, что «люди разговаривают между собой дискурсами, а не предложениями и тем более не морфемами и не фонемами. Это отличает дискурс от других языковых единиц, которые представляют собой научные конструкты» [Кибрик 2009: 3]. Очевидно, что автор видит в дискурсе не инструмент описания речи, взятой в определенном аспекте, а такую же эмпирическую субстанцию, какой является речь. У такого понимания есть сторонники, уверенные в том, что они открыли дискурс, как Д. И. Менделеев химические элементы.

Понимание концепта как ментальной сущности является доминирующим. Но что может знать лингвист о структуре мозга, если его объект – язык в ипостаси речи? А в речи существуют лишь словоформы в их определенной семантико-синтаксической связи, и из этого материала лингвист воссоздает (конструирует, моделирует) единицы языка.

«Концепт» и «дискурс» (как и другие теоретические феномены) суть инструменты анализа слова в речи или слова и речи: термин «концепт» обозначает модель содержания значимого для культуры (или для идиосистемы писателя) субстантива, за которым стоит неоднозначно понимаемая и оцениваемая социумом сущность, как правило, абстрактная; за термином «дискурс» – либо модель речевой деятельности (процесса и результата), либо инструмент измерения речи в мировоззренческом аспекте, что и провозгласили основатели французской школы дискурса и что хорошо согласуется с такими синтагмами, как *политический*, *философский* или *лингвистический дискурс*, за которыми стоит идея разных мировоззрений.

Названные три фактора (методология, метод, метаязык) и являются причинами возможного «методологического срыва» лингвистического анализа, по крайней мере, в том виде, в каком они открываются наблюдателю, небезразличному к существующему положению дел в современной российской лингвистике. Чтобы лингвистика эту грань не перешла, требуется такой экстралингвистический фактор, как ответственность научного сообщества, которая включает и ответственность перед научным объектом, эксплицированную в методе его анализа, и ответственность исследователей [Чернейко 2014] – субъектов научного познания, объединенных в разные школы и направления, которым необходимо договариваться, разворачивая диалог вокруг как традиционных, так и новых терминов, за которыми стоят добытые наукой сущности эпистемологические. И если первое условие представляется вполне реальным, то второе – идеальным. Но идеалы для того и существуют, чтобы к ним стремиться.

3.2. В рамках когнитивных исследований выявлен такой уровень категоризации, который обеспечивает индивидууму конструктивное взаимодействие со средой, что в полной мере относится и к концептуализации действительности, в частности к той ее форме, которую Ч. Филлмор назвал «фреймами

интерпретации» [Филлмор 1988: 53–54], а в качестве аргумента привел интерпретацию дней недели, осуществляющуюся на основе а) понимания естественного цикла солнца (конец одного дня = начало другого) и б) понимания соотношения работы и досуга (ср.: «странный» вопрос Л. Витгенштейна: «Неужели ты готов утверждать, что среда толстая, а вторник худой или же наоборот? (Я склонен выбрать первое)» [Витгенштейн 1994: 303]).

В современном русском представлении среда – это «примиряющий» разные поколения день недели. Вывод, что *По крайней мере в среду мы понимаем друг друга!*, заканчивает забавный рисунок в одной из клиник Москвы (изображены симпатичные коровы по пять в два ряда в соответствии с днями рабочей недели; сверху надпись *Вне праздников! Как чувствуют себя люди на работе...*; над первым рядом надпись *Люди старше 30 лет*, и корова, бодрая в понедельник, совершенно сникает в пятницу; над вторым надписью *Люди моложе 30 лет*, и корова, «никакая» в понедельник, оживает в пятницу; совершенно совпадают рисунки коров в среду).

Существует интерпретация и других дней недели, в которой понедельник и пятница выступают антиподами, а пятница, выделенная особо, коррелирует с месяцем маем, противопоставленным всем прочим месяцам:

Как мы помним в этом городе пятница всегда [Арбат-Престиж. Май–июнь 2006, с. 8];

Ну, не может нормальный человек любить понедельник. Нормальный человек любит пятницу, потому что пятница – это предвкушение. Во-первых, это бесконечный [ср. с выражением *коротать вечера*. – Л. Ч.] пятничный вечер, плавно переходящий в ночь. Во-вторых, после пятницы, в субботу, никогда не наступает хмурое утро – оно всегда прекрасное и многообещающее. От мая такое же ощущение, как от пятницы. Май – это вечная пятница. Май – начало единственного сезона, который способен примирить с отечественным климатом [Пятница forever. Аэрофлот. Май 2011, с. 148].

Анализ сочетаемости имен времен года с глаголами, объединенными, например, лексическим параметром ‘начаться’, позволяет воссоздать фрагменты русской языковой картины «Времена года», в которой зима мыслится как хозяйка года (никуда не уходит), а весна – как гостья, которой рады, но которая надолго не задерживается. Одним из аргументов предлагаемой интерпретации символики двух сезонов может служить сочетаемость имен ВЕСНА и ЗИМА с глаголом движения *вернуться* в значении ‘вновь появиться’. Если в сочетании с именем ЗИМА этот глагол обозначает нестандартное поведение референта – снег в мае или вдруг наступивший холод, с которыми зима связана метонимически, то в сочетании с именем ВЕСНА этот же глагол обозначает иную ситуацию: весна (а она *долгожданная*, но *короткая*) возвращается на свое законное место из прошлого года, где она была, в год текущий. Именно такая символика двух времен года и объясняет сочетаемость их имен (ср.: «Внезапно вернулась весна», И. А. Бунин, *Игнат*). Явно

она отражена в известной шутке о двух зимах в России – белой и зеленой и в известных строках А. С. Пушкина из романа *Евгений Онегин*: «Но наше северное лето, / Карикатура южных зим, / Мелькнет и нет: известно это, / Хоть мы признаться не хотим».

Как отмечают естествоиспытатели, естественно-научные знания искажены антропоморфизмом таких понятий, как «пространство» и «время», и представлений о силе и энергии. Что касается общеупотребительных абстрактных субстантивов языка (*материя, идея, сознание, жизнь, бытие, быт, уют, свобода, правда, закон*), то стоящие за ними идеальные сущности «искажены» в разных языках теми представлениями, которые сложились в данной культуре и отражают национальную картину мира. Именно эти представления (а они мифологичны, поскольку неverifiedируемы, и диалогичны по этой же причине [Чернейко 2010: 123]) направляют сочетаемость абстрактных субстантивов, и именно по сочетаемости (объективной данности речи, текста) они могут быть реконструированы (смоделированы). Проведенные исследования текстов разных жанров, включая философские и лингвистические, подтверждают тезис Р. Лангаккера о «схематичности символических содержаний» [Лангаккер 1992]. Открытым остается вопрос, как их выявлять и описывать?

4.1. Любой языковой объект может быть квалифицирован как научный, вполне лингвистический не вообще, а только с определенных исследовательских позиций, в рамках тех задач и применяемых методов, которые позволяют описать его существование и объяснить особенности его функционирования в той или иной культурной среде. У всего нашего опыта языковое измерение: у физического – категоризация (с разной глубиной таксономии одного семантического пространства в разных языках), у метафизического – концептуализация. Массив абстрактных имен-субстантивов (АИ), за которыми стоят значимые для культуры духовные сущности (ценности) и которыми социум «измеряет» действительность («ключевые слова», «культурные концепты»), можно подвергнуть когнитивно-структурному анализу. Он когнитивный, поскольку обращен к опыту человека, к его знаниям, а в большей степени – к представлениям. Он структурный, если в качестве аргумента принять не только лингвистическое, но и одно из философских определений структурного анализа – это «анализ духа по воплощающим его предметностям» [Автономова 1991: 289].

4.2. В современной разговорной речи метафорика абстрактных сущностей является текстопорождающей, а грамматика традиционно нацелена на объяснение правил текстопорождения. Анализ сочетаемости имени СВОБОДА позволяет обнаружить те семантико-прагматические элементы его содержания, которые В. А. Успенский назвал «вещными коннотациями абстрактных сущительных» [Успенский 1997]. Прототипом «вещного» портрета абстрактной сущности является не что иное, как сложившаяся в социуме «конвенциональная образность» (термин Лангаккера) стоящего за именем абстрактного феномена,

дающая представление о различии в оценке и понимании, например, феномена свободы не только в разных культурах, но и в пределах одной, когда диалог направляется не логикой мышления, рациональностью, а мифологией (X: *Иерархия – это структурированность, это живое дело. А свобода – это ряска на болоте, безграничная такая, никакой структуры, сплошное гниение. – У: Единственное, с чем я не согласен, так это с тем, что свобода – болото. Свобода – это не болото. Свобода – это ветер.*)

4.3.1. Метод моделирования проекций абстрактных сущностей на элементы повседневного (эмпирического) опыта отражает такой взгляд на язык, в основе которого лежит понимание языка как хранителя когниций (знаний и представлений о мире) и речи как их транслятора. Метод моделирования мифологической (символической) структуры абстрактной сущности состоит в вычленении их проективных смыслов (ПС) [Чернейко 2009] из сочетаемости имен этих сущностей в первую очередь с вторичными предикатами (глаголами наблюдаемых действий, процессов и состояний и дескриптивными прилагательными: *свободу нам подарили – свобода на нас обрушилась; как быстро сдулась наша оппозиция; один говорил: «Жизнь – поезд», другой говорил: «Перрон»; горькая истина; проглотил обиду*).

В дополнение к таким хорошо изученным дескрипциям, как описательные предикаты с экспликатором (*оказать помощь, сделать шаг*), можно ввести особый класс синтагм с абстрактным именем, синтаксически аналогичных как словосочетанию (*проглотить обиду*), так и предикативной конструкции (*обстоятельства складываются, события разворачиваются*), и назвать их, например, «словосочетания-проекции (или проективы)», что указывает и на специфику фрагмента действительности, стоящего за семантически главным элементом словосочетания, и на способ его символизации в конкретном языке. Существенное отличие «связанных» сочетаний непердметного имени с глаголом (*проглотить обиду*) от описательных предикатов (*нанести обиду = обидеть*) состоит в их грамматической безальтернативности, диктующей при передаче модусов невидимой сущности синтагматическую необходимость ее имени соединиться с «вторичными» глаголами и прилагательными, фиксирующими эмпирический опыт. Абстрактные глаголы в этом смысле неинформативны (ср.: *предаваться мечтам, иллюзиям; ликвидировать последствия*). А неоднородные по степени своей «семантической опустошенности» экспликаторы описательных предикатов, скорее, ставят проблему сочетаемости субстантивов, чем решают ее.

4.3.2. Алгоритм выявления ПС достаточно прост: это сопоставление переносного (связанного) значения глагола при АИ, позволяющее выделить имплицитную метафору из стандартного актанта (агенса, пациенса, инструмента и т. д.) глагола в его буквальном значении. Например, из связанной сочетаемости глагола в синтагме *проглотить обиду* выводится проекция обиды как ощущаемого, но не доступного глазу внутреннего состояния,

на такой стандарт «вкушаемого», как кусок; многие абстракции мыслятся в гастрономическом коде – одном из самых древних кодов христианской культуры (ср.: «Жуковский, время всё проглотит, / Тебя, меня и славы дым», К. Н. Батюшков).

Из этих имплицитных метафор выводится и аксиология абстрактной сущности (например: жизнь – как дар и как наказание, мода – как витальная потребность в статьях журнала «Домовой» или как враг в статьях журнала «7 Дней» [Чернейко, Башкатова 2008]). Можно предположить, что чем больше абстрактных субстантивов приходится на текст, тем выше его скрытая метафоричность¹ (resp. мифологичность), поскольку ни в повседневной, ни в художественной, ни в научной речи у абстрактных субстантивов практически нет собственных предикатов.

Термин «проективный смысл» служит единицей измерения формы ассоциативного ореола АИ и является инструментальным термином активной грамматики, поскольку ориентирован на моделирование конвенциональной образности ассоциативного (символического, мифологического) пространства абстрактной сущности, объясняющей синтагматику ее имени (сочетаемость с вторичными предикатами, а также с пространственными предложениями). Известно, что у одной области-реципиента могут быть разные источники («доноры»), а из одного источника черпают средства языкового представления разные области-реципиенты, например, с метафорической сочетаемостью существительного ВЛАСТЬ пересекается аналогичная сочетаемость слова ЗДОРОВЬЕ (*поддерживать, укреплять, восстанавливать, терять, стремиться, дорожить*). Кроме того, в предлагаемом термине снято противопоставление образов логических и чувственных.

Выводы. Терминологические сочетания «структурная семантика» и «когнитивная семантика», обозначающие направления европейской лингвистической мысли XX в., отражают основные присущие разуму формы его взаимодействия с интенциональным объектом: с позиций объекта (логическая форма) и с позиций субъекта (антропоцентрическая форма). Последняя включает в себя не только рациональность – аналитическое отношение сознания к объекту, но и мифологичность – синтетическое видение объекта во всей его целостности и сложности, являющееся способом его дологического освоения.

Если обобщить метод выявления ПС абстрактной сущности, то он сводится к следующему: 1) анализ актантной структуры буквального значения сочетающихся с АИ «вторичных предикатов» (главное – глаголов), что позволяет составить список имплицитных метафор; 2) обобщение ПС в «лексикоды»

¹ Сколько метафор должно быть на одной странице текста, чтобы он мог считаться «метафорическим»? – так ставил вопрос Ц. Тодоров [Тодоров 1975: 55], а о «возможности написать грамматику размещения метафор» писал Р. Якобсон [Якобсон 1975: 219].

(термин У. Эко) на собственно семантической основе (разграничение прагматики и семантики в этом случае не релевантно); 3) сопоставление лексикодов для обнаружения повторяющихся ПС, что дает возможность говорить о форме символических пространств АИ (по причине их членимости), а о ПС – как о мере ассоциативных отношений между ними.

Схематичность символического пространства АИ по-новому высвечивает и лингвофилософскую проблему языковой формы. Поскольку ПС и их инварианты (лексикоды) напрямую связаны с правилами построения словосочетаний с абстрактным субстантивом, постольку их дальнейшее изучение внесет вклад и в грамматику словосочетания, и в философию грамматики, расширив границы ее объекта введением тех фактов, которые традиционная грамматика не считала научными, но в которых, тем не менее, обнаруживается действие языкового механизма. В этой связи структурная модель описания языка «Смысл \leftrightarrow Текст», ориентированная на выявление универсальных «глубинных смыслов» через синтагматические лексические функции-параметры, может обрести в XXI в. «второе дыхание», став базой исследования смыслов поверхностных, в которых раскрывается специфика запечатленного в языке и речи видения мира. Создание словаря сочетаемости АИ на базе не художественных текстов, а тех, которые отражают основу нашего языкового бытия в повседневности, в еще большей степени помогло бы прояснению и особенностей нашей ментальности, и особенностей нашей повседневности.

Литература

- Апресян Ю. Д., 1966, *Идеи и методы современной структурной лингвистики*, Москва: Просвещение.
- Аристотель, 1978, *Сочинения в четырех томах*, т. 2, ред. З. Н. Микеладзе, Москва: Мысль.
- Бенвенист Э., 1974, *Общая лингвистика*, Москва: Прогресс.
- Бирюк О. Л., Гусев В. Ю., Калинина Е. Ю., 2014, *Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен*, http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php (дата обращения: 29.11.2014).
- Витгенштейн Л., 1994, *Философские работы*, ч. 1, составл., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой, Москва: Гнозис.
- Греймас А.-Ж., 2004, *Структурная семантика: Поиск метода*, пер. Л. Зиминой, Москва: Академический Проект.
- Звегинцев В. А., 1962, *Очерки по общему языкознанию*, Москва: МГУ.
- Кибрик А. А., 2009, Модус, жанр и другие параметры классификации дискурса, *Вопросы языкознания*, № 2, с. 3–21.
- Крушевский Н. В., 1998, *Избранные труды по языкознанию*, сост. Ф. М. Березин, Москва: Наследие.
- Лангаккер Р. У., 1992, *Когнитивная лингвистика*, Москва: ИНИОН.

- Леви-Стросс К., 1983, Структура и форма [в:] Ю. С. Степанов (ред.), *Семиотика*, Москва: Радуга, с. 400–428.
- Мельчук И. А., Жолковский А. К., 1984, *Толково-комбинаторный словарь современного русского языка*, Вена: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien.
- Пешковский А. М., 1959, *Избранные труды*, подгот. к печати, вступ. статья и примеч. И. А. Василенко и И. Р. Палей, Москва: Учпедгиз.
- Соссюр Ф. де, 1977, *Труды по языкознанию*, пер. с фр. яз. под ред. А. А. Холодовича, Москва: Прогресс.
- Автономова Н. С., 1991, Структурализм [в:] В. С. Малахов, В. П. Филатов (сост.), *Современная западная философия. Словарь*, Москва: Политиздат.
- Тодоров Ц., 1975, Поэтика [в:] Е. Я. Басин, М. Я. Поляков (ред.), *Структурализм: «за» и «против»*, Москва: Прогресс, с. 37–113.
- Успенский В. А., 1997, О вещных коннотациях абстрактных существительных [в:] В. А. Успенский (ред.), *Семиотика и информатика*, вып. 35, Москва: Языки русской культуры.
- Филлмор Ч., 1988, Фреймы и семантика понимания [в:] В. В. Петров, В. И. Герасимов (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 23: *Когнитивные аспекты языка*, Москва: Прогресс, с. 52–92.
- Чернейко Л. О., 2009, Лингвистическая релевантность понятия «концепт» [в:] Е. И. Диброва (ред.), *Текст. Структура и семантика: доклады XII международной конференции*, т. 1, Москва: ТВТ Дивизион.
- Чернейко Л. О., 2010, *Лингвофилософский анализ абстрактного имени*, Москва: УРСС.
- Чернейко Л. О., 2014, Культура речи в свете этики ответственности [в:] А. Д. Шмелев (отв. ред.), *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, вып. 2, Москва: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, с. 245–260.
- Чернейко Л. О., Башкатова Д. А., 2008, Философско-лингвистический аспект изучения моды, *Филологические науки*, № 2, с. 86–98.
- Якобсон Р., 1975, Лингвистика и поэтика [в:] Е. Я. Басин, М. Я. Поляков (ред.), *Структурализм: «за» и «против»*, Москва: Прогресс, с. 193–230.
- Якобсон Р., 1985, *Избранные работы*, сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева, Москва: Прогресс.